

Шмитт защищает фюрера

АРТЕМ СМЕРНОВ

Карл Шмитт. Государство и политическая форма /
Пер. с нем. О. Кильдюшова. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. — 272 с.

ЕСМОТЯ на более чем десятилетнюю историю издания русских переводов Шмитта, его теоретическое наследие до сих пор остается недостаточно хорошо представленным. В особенности это касается работ, которые принесли ему наибольшую известность в Веймарской республике (прежде всего это «Учение о конституции» [1928], которое Шмитт называл «попыткой создания системы», и вызвавшие острую полемику среди тогдашних правоведов «Понятие политического» [1927/1932], «Гарант конституции» [1931] и «Легальность и легитимность» [1932]), а также его политико-правовых работ нацистской эпохи (назовем лишь наиболее существенные: «Государство, движение, народ» [1933], «О трех видах юридического мышления» [1934]). Этот пробел отчасти восполняет опубликованный в 2010 году издательством ГУ-ВШЭ сборник шмиттовских работ «Государство и политическая форма», в который вошли объемный и наиболее важный фрагмент «Учения о конституции», полемическая работа «Государственная этика и плюралистическое государство» и два небольших по объему, но содержательно насыщенных текста нацистской эпохи — «Новые принципы для правовой практики» и «Фюрер защищает право».

Такое совмещение в одном сборнике работ Шмитта веймарского и Шмитта нацистского представляется особенно полезным, поскольку, согласно одному из наиболее известных российских интерпретаторов Шмитта, «интересная ему»¹ история заканчивается в 1933 году, то есть со вступлением Шмитта в на-

1. Филиппов А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. С. 306.

цистскую партию, и возобновляется лишь в 1936 году, то есть с началом того, что сам Шмитт считал преследованием со стороны СС, после чего «Шмитт возвращается в русло исторической и теоретической работы, не затрагивая уже напрямую политически взрывоопасных тем»². Таким образом, из поля зрения исследователя внезапно выпадают почти четыре года, в которые Шмитт не только переиздал свои старые работы с новыми предисловиями («Понятие политического» [1933, 3-е изд.], «Политическую теологию» [1934, 2-е изд.]), но и опубликовал новые важные работы («Государство, движение, народ» тремя изданиями [1933, 1934, 1935] и «Три вида юридического мышления» [1934]), а также множество статей, среди которых особенно выделяются две — «Фюрер защищает право» и «Конституция свободы». Эти годы просто объявляются «временем политически сомнительного, хотя и не просто *сервильного* по отношению к нацистскому режиму, не только *конъюнктурного* поведения Шмитта»³, а вопрос о связи теоретических идей Шмитта и политической практики нацистской эпохи и трансформации некоторых ключевых идей веймарской поры в основные категории его политико-правовой теории при Третьем рейхе даже не ставится. Более того, утверждается даже, что «без доказательства того, что есть континуальность, непрерывность между правовыми сочинениями Шмитта 1920-х — начала 1930-х и сочинениями самого одиозного нацистского толка... — без доказательства этого мы никуда не двинемся»⁴. Иными словами, здесь фактически постулируется существование разрыва между работами Шмитта веймарской и нацистской эпох. В то же время у большинства западных исследователей⁵, в том числе тех, кто

занимался изучением места трудов Шмитта в национал-социалистическом правоведении⁶, преемственность в мысли Шмитта не вызывает сомнений.

Хотя Шмитт прожил долгую жизнь и активно публиковался вплоть до конца 1960-х годов, сам он никогда не выступал с критикой своих ранних суждений и построений, в том числе и работ, написанных при Третьем рейхе. Неспециалисты зачастую воспринимают нацистские сочинения Шмитта как парентезу, некую случайность его личной истории, которая никак не связана с корпусом его мысли, сформировавшимся до прихода к власти Гитлера и сохранившимся надолго после падения Третьего рейха. Для многих специалистов его понятие «политического» как напряженного, экзистенциального феномена, который связан с постоянной возможностью войны, не слишком

2. Филиппов А. Техника диктатуры: к логике политической социологии // Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005. С. 281. Прим. 11.
3. Там же. С. 281. Ср., однако, с совершенно противоположным объяснением Шмитта нацистского через «тщеславие», «сервилизм» и «оппортунизм» у того же автора: Филиппов А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа. С. 277, 311.
4. Он же. Шаг вперед в дискуссии // Русский журнал. 9.06.2009. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/SHag-vpered-v-diskussii>. Требование автора предъявить доказательства того, что «автор как начал готовить нацизм в 1919 году, когда еще и нацистов не было, так и дальше продолжал, пока не дождался фюрера и не спел ему гимн», представляется абсурдным как по форме, так и по содержанию и является недобросовестным полемическим приемом.
5. Fijalkowski J. Die Wendung zum Führerstaat: Ideologische Komponenten in der politischen Philosophie Carl Schmitts. Cologne/Opladen: Westdeutscher Verlag, 1958; Von Krockow C. G. Die Entscheidung: Eine Untersuchung über Ernst Jünger, Carl Schmitt, Martin Heidegger (1958). 2nd Ed. Fr.a.M.; N.Y.: Campus Verlag, 1990; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen

1918 und 1933 (1978). 2nd Ed. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1962; Hofmann H. Legitimität gegen Legalität: Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts (1964). 2nd Ed. Berlin: Duncker & Humblot, 1992; Rütters B. Carl Schmitt im Dritten Reich, München: C. H. Beck, 1990; Koenen A. Der Fall Carl Schmitt. Sein Aufstieg zum «Kronjuristen des Dritten Reiches». Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993; Maus I. Bürgerliche Rechtstheorie und Faschismus: Zur sozialen Funktion und aktuellen Wirkung der Theorie Carl Schmitts (1976). 2nd Ed. Munich: Fink Verlag, 1980; Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich. N.Y.: Cambridge University Press, 1984; Dyzenhaus D. Legality and Legitimacy: Carl Schmitt, Hans Kelsen and Hermann Heller in Weimar. Oxford: Clarendon Press, 1997; McCormick J. Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Against Politics as Technology. N.Y.: Cambridge University Press, 1997; Neocleous M. Friend or Enemy? Reading Schmitt Politically // Radical Philosophy. September/October 1996. № 79. P. 13–23; Maus I. The 1933 «Break» in Carl Schmitt's Theory // Law as Politics: Carl Schmitt's Critique of Liberalism / D. Dyzenhaus (Ed.). Durham, NC: Duke University Press, 1998. P. 196–216; Scheuerman W. Carl Schmitt: The End of Law. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999; Wolin R. The Seduction of Unreason: The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism. Princeton: Princeton University Press, 2004.

6. La Torre M. Carl Schmitt and the «Third Reich» // Ratio Juris. 1991. Vol. 4. № 2. P. 261–264; Caldwell P. National Socialism and Constitutional Law: Carl Schmitt, Otto Koellreutter, and the Debate Over the Nature of the Nazi State, 1933–1937 // Cardozo Law Review. 1994. Vol. 16. P. 399–427; Scheuerman W. The Fascism of Carl Schmitt: A Response to George Schwab // German Politics and Society. 1993. Vol. 29. P. 71–79; Scheuerman W. Legal Indeterminacy and the Origins of Nazi Legal Thought: the Case of Carl Schmitt // History of Political Thought. 1996. Vol. 17. № 4. P. 571–590; Scheuerman W. After Legal Indeterminacy?: Carl Schmitt, and the National Socialist Legal Order, 1933–1936 // Cardozo Law Review. 1998. Vol. 19. P. 1743–1769; Idem. Decisionism and Legal Indeterminacy: The Case of Carl Schmitt // CSST Working Paper. October 1996. № 116. URL: <http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/2027.42/51307/1/543.pdf>.

отличалось от нацистской риторики сражающейся национальной общности. Его «логика друга–врага и гомогенности–гетерогенности была широко открыта для расистского дискурса»⁷. Его заявления о том, что народ, не имеющий воли для поддержания политического, является «слабым» и обреченным на исчезновение, звучали как нацистская пропаганда сохранения расы. Его учение о рейхспрезиденте, а затем и фюрере, наделенном чрезвычайными полномочиями для защиты конституции, в основе которой лежала гомогенность (*Gleichartigkeit*) народа, хотя и не было изначально теорией *Führerprinzip*, но «для того чтобы перейти к этой позиции, сильно напрягать воображение не нужно»⁸.

Наиболее наглядным примером и, как уже было ранее отмечено в другом месте, «квинтэссенцией всего, что Шмитт писал и делал в 1920–1930-х»⁹, служит его статья «Фюрер защищает право», которой он, по своему собственному признанию, продолжал гордиться даже спустя четверть века после окончания Второй мировой войны¹⁰. И это не удивительно, так как в ней в концентрированном виде нашли свое отражение идеи почти всех его значительных веймарских и ранних нацистских работ: «Диктатуры» и «Политической теологии», «Понятия политического» и «Учения о конституции», «Легальности и легитимности», «Государства, движения, народа» и «О трех типах юридического мышления». Поэтому при всей кажущейся провокационности публикации этой статьи сегодня нельзя не признать, что без нее полная и научно-объективная реконструкция интеллектуальной биографии крупного немецкого политико-правового мыслителя XX столетия будет попросту невозможной.

Именно по такому пути следует и публикаторская практика в других странах. Так, в 2003 году перевод «Фюрер защищает право» был опубликован в уважаемом французском журнале *Cités*¹¹, а в кратком вступительном слове к ней главный редактор журнала и выдающийся специалист по Гоббсу Ив Шарль Зарка специально заметил, что издание этого текста важ-

но для исследователей хотя бы потому, что благодаря ему читатель может увидеть, что «нацистский период не был ни маргинальным, ни обособленным от всех его [Шмитта] теоретических произведений»¹². Этот вывод представляется весьма взвешенным. Прежде всего потому, что в последние годы определенное распространение получила отмеченная Уильямом Шеерманом тенденция «писать о Шмитте с точки зрения его собственного послевоенного объяснения своего опыта при нацистах». Эта тенденция приводит к тому, что «подобного рода исследования оказываются крайне апологетическими»¹³.

Прежде чем перейти к рассмотрению интерпретаций этой шмиттовской статьи, предлагаемой авторами апологетического направления, целесообразно было бы несколько уточнить исторический контекст ее появления, кратко описанный в предисловии переводчика¹⁴, поскольку без этого сложно будет оценить адекватность подобных интерпретаций. Итак, поводом для ее написания послужило выступление Гитлера в рейхстаге 13 июля 1934 года, посвященное оправданию событий 30 июня — 2 июля 1934 года, получивших название «путч Рёма» или «Ночь длинных ножей». В ходе этих событий, спланированных при участии Гимmlера, Геринга и Геббельса, по приказу Гитлера была произведена внесудебная расправа над руководством СА, некоторыми генералами рейхсхвера и консервативными политиками, включая генерала Курта фон Шляйхера, якобы участвовавшими в заговоре, который представлял «угрозу существованию нации». 3 июля правительство приняло Закон «О мероприятии государственной самообороны»,¹⁵ состоявший всего из одной статьи, ретроспективно оправдывавшей совершенные убийства: «Меры, предпринятые 30 июня, 1 и 2 июля 1934 года для подавления нападений государственных изменников и предателей Родины, носят законный характер в качестве самообороны государства». Спустя десять дней Гитлер выступил с речью, в которой объяснял, почему он решил воспользоваться своими чрезвычайными полномочиями:

7. Müller J. W. Carl Schmitt — An Occasional Nationalist? // History of European Ideas. 1997. Vol. 23. № 1. P. 32.

8. Caldwell P. Controversies Over Carl Schmitt: A Review of Recent Literature // Journal of Modern History. 2005. Vol. 77. № 2. P. 374.

9. Смирнов А. Не надо заниматься интеллектуальным мошенничеством — 2 // Русский журнал. 8.06.2009. URL: <http://russ.ru/pole/Ne-nado-zanimat-sya-intellektual-nym-moshennichestvom-2>.

10. Noack P. Carl Schmitt, Eine Biographie. Fr.a.M.: Ullstein, 1996. S. 196.

11. Schmitt C. Le Führer protège le droit. À propos du discours d'Adolf Hitler au Reichstag du 13 juillet 1934 // Cités. 2003/2. № 14. P. 165–171.

12. Zarka Y. Présentation. Carl Schmitt, le nazi // Ibid. 163.

13. Scheuerman W. Carl Schmitt: The End of Law. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999. P. 237.

14. Кильдюшов О. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 28–29.

15. После принятия 23 марта 1933 года рейхстагом Закона «О предоставлении чрезвычайных полномочий», или Закона «О преодолении бедственного положения народа и рейха», в Германии фактически было объявлено перманентное чрезвычайное положение с передачей законодательных полномочий правительству.

...если кто-то упрекает меня в том, что я не использовал обычные суды для вынесения приговоров, я могу только сказать в ответ, что в этот час я был ответственен за судьбу немецкой нации и тем самым являлся высшим судебным главой немецкого народа! Если бы государство не воспользовалось своими военными статьями, наступил бы крах этого государства: Германии... Когда мне говорят, что только соблюдение судебной процедуры позволяет точно взвесить и оценить вину и искупление, я могу выдвинуть лишь одно возражение. Тот, кто восстает против Германии, участвует в заговоре. Тот, кто участвует в заговоре, должен быть наказан не в соответствии с величиной и масштабом его деяния, а в соответствии с его намерениями. Тот, кто осмеливается подстрекать к бунтам, нарушая тем самым принципы верности и священные клятвы, не может ожидать ничего иного, кроме как самому стать первой жертвой¹⁶.

1 августа 1934 года в *Deutsche Juristen-Zeitung* вышла статья Карла Шмитта, в которой он разъяснял читателям значение процитированных выше слов Гитлера с привлечением практически всего своего теоретического инструментария. В ней он напоминал, что «сегодняшнее немецкое государство имеет силу и волю для различения друга и врага»¹⁷ и борьбы с «врагами государства»¹⁸, пытался провести различие между действиями фюрера и «республиканского диктатора», показывая, что действия первого были законными и ограничивались принятым *postfactum* Законом «О мерах чрезвычайной защиты государства», который «определял в форме правительственного закона временной и предметный характер непосредственных действий фюрера»¹⁹, критиковал «правовую слепоту либерального законодательного мышления»²⁰, рассуждал о «государствообразующих порядках»²¹, прямо цитировал свое «Государство, движение, народ» и, наконец, давал ответ на давно волновавший его гоббсовский вопрос *Quis iudicabit?*: «Подлинный вождь всегда также является судьей. Из вождизма вытекает судебная власть. <...> В самый чрезвычайный момент проявляются высшее право и высшая степень осуществления этого права судебного возмездия»²². Знакомый с работами Шмитта читатель легко угадает отсылки к его более ранним работам.

16. Dormaues M. Hitler, Speeches and Proclamations 1932–1945. The Chronicle of a Dictatorship. Vol. I: 1932–1934. L.: I. B. Tauris & Co. Ltd., 1990. P. 498.

17. Шмитт К. Государство и политическая форма. С. 271.

18. Там же. С. 264.

19. Там же. С. 269.

20. Там же. С. 266.

21. Там же. С. 270.

22. Там же. С. 267.

Если эта работа не отвечала внутреннему развитию шмиттовской мысли, то чем тогда было вызвано ее появление? Так, Джозеф Бендерски полагал, что главным мотивом для написания этой статьи был страх Шмитта за собственную жизнь: в случае продолжения чисток он мог стать очередной жертвой, а статью написал исключительно для того, чтобы заявить о своей лояльности²³. Но, как известно, Гитлер выступил со своей речью 13 июля, то есть через десять дней после окончания чисток, а статья Шмитта появилась спустя две с лишним недели после выступления фюрера, когда уже стало ясно, что никаких оснований ожидать продолжения чисток нет²⁴. Близко знакомый со Шмиттом Гельмут Кварич полагал, что поскольку тот был «единственным крупным юристом», выступившим с оправданием «деяния, которое нельзя было защитить юридически», то само содержание статьи и использованная в ней аргументация были настолько абсурдными, что правильнее было бы видеть в ней некое подобие намеренной (само) пародии²⁵. С точки зрения Гопала Балакришнана, такое объяснение следует признать «глубоко ошибочным: Шмитт относился к себе слишком серьезно, чтобы написать что-то, что не нужно было принимать всерьез... его рассуждения согласовывались со всем, что было написано им раньше при национал-социализме, и при всей своей чудовищности вовсе не были „абсурдными“»²⁶.

23. Как пишет Джозеф Бендерски, «консервативный католик, тесно работавший со Шляйхером и продолжавший поддерживать отношения с бывшим помощником Шляйхера полковником Эрихом Марксом, он не был такой уж маловероятной мишенью» (*Bendersky J. The Expendable Kronjurist: Carl Schmitt and National Socialism, 1933–1936 // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 14. № 2. P. 318. Cp.: Idem. Carl Schmitt: Theorist for the Reich. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. P. 213*). Трейси Стронг добавляет: «По словам Эллен Кеннеди (в личной беседе, сентябрь 2009 года), он был вынужден написать эту статью. Шмитта связывали с некоторыми элементами в СА, и имеются некоторые свидетельства того, что от чистки его спас Геринг» (*Strong T. Politics Without Vision: Thinking Without a Banister in the Twentieth Century. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2012. P. 48. Note 84*).

24. См. об этом: *Wiegandt M. The Alleged Unaccountability of the Academic: A Biographical Sketch of Carl Schmitt // Cardozo Law Review. 1995. Vol. 16. P. 1589*. Кроме того, по замечанию Питера Колдуэлла, «даже если это [статья „Фюрер защищает право“] и было „защитой“ Шмитта, он уделял гораздо больше внимания устранению паравоенных угроз гитлеровской власти, чем расправам над гражданскими лицами, погибшими во время чистки» (*McCormick J. Op. cit. P. 267*).

25. *Qauritsch H. Positionen und Begriffe Carl Schmitts. Berlin: Duncker und Humboldt, 1989. S. 80, 101*.

26. *Balakrishnan G. The Enemy: An Intellectual Portrait of Carl Schmitt. N.Y.: Verso, 2000. P. 202*.

Еще одна расхожая интерпретация была предложена Джорджем Швабом, по мнению которого важным побудительным мотивом для написания статьи стала «смерть его друга», генерала Курта фон Шляйхера, убитого во время «Ночи длинных ножей»²⁷. В своем тексте «Шмитт старательно и сознательно обращает внимание на тот факт, что преступные деяния, совершенные по отношению к тем, кто не был причастен к измене, не были должным образом расследованы. Он осторожно предупреждал: нужно предпринять меры предосторожности, чтобы не допустить таких эксцессов в будущем. Шмитт, в частности, имел в виду убийство Шляйхера»²⁸. Вместе с тем Шваб констатирует, что «статья Шмитта, которая на самом деле была призывом к чувству ответственности у Гитлера, является несколько наивной»²⁹. Сходной точки зрения, хотя и в несколько сумбурном изложении, по-видимому, придерживаются и некоторые российские интерпретаторы: «Шмитт в одной из самых, пожалуй, одиозных своих статей „Фюрер защищает право“, написанной как раз по поводу расправы со штурмовиками Рёма, упирает, кстати говоря, не на то, что фюрер всегда прав, а на то, что фюрер устранил тех, кто устранил Шляйхера и многих других»³⁰.

Но насколько обоснованны предположения, что под «не санкционированными фюрером „специальными акциями“ вне или внутри временного периода трех дней, никак не связанными с действиями фюрера»³¹, Шмитт имел в виду убийство Шляйхера и указывал на необходимость должного расследования злоупотреблений? В своем выступлении Гитлер признавал, что во время «Ночи длинных ножей» действительно име-

ли место злоупотребления, но по крайней мере часть тех, кто был повинен в этих злоупотреблениях (Гитлер говорил, например, о неоправданно грубом обращении с задержанными), уже понесли наказание, в том числе три офицера СС. Гитлер также признавал, что он отдал приказ использовать силу против тех, кто попытается оказать сопротивление (после «Ночи длинных ножей» в немецких газетах появились сообщения о том, что Шляйхер оказался в числе отказавшихся сдаться и погиб в перестрелке). Более того, как только стало ясно, что «мятеж» подавлен и опасности свержения власти больше нет, режим чрезвычайного положения был отменен, а «многочисленные акты насилия, никоим образом не связанные с этой акцией, передавались на рассмотрение обычных судов»³².

В своем выступлении Гитлер прямо называл виновников «мятежа», в число которых входит и Шляйхер. По его версии, «генерал Шляйхер был человеком, который придал внешнее оформление внутренним желаниям Рёма», разработал план мятежа и отвечал за внешнюю поддержку путча со стороны иностранных государств. Гитлер не приводил никаких доказательств вины Шляйхера, но упоминал о некоей встрече последнего и Рёма с иностранным дипломатом со следующим комментарием: «Я обязан был расстрелять этих людей, даже если на встрече, которую они держали в таком секрете от меня, они действительно обсуждали только погоду, старинные монеты или тому подобные темы»³³. Таким образом, предположения о том, что Шмитт своей статьей хотел обратить внимание Гитлера на убийство Шляйхера, выглядят по меньшей мере беспочвенными. О виновности Шляйхера и справедливости понесенного им наказания заявил сам высший судья, и попытка даже неявного оспаривания вердикта обернулась бы репрессиями в отношении того, кто осмелился усомниться в правоте фюрера. Не нужно пояснять, что в действительности Шляйхер, с которым Шмитт был близко знаком и который как раз и привел Шмитта в политику, не был причастен к какому-либо «заговору».

Переходя к рассмотрению собственно содержания статьи, комментаторы Шмитта, в том числе и придерживающиеся апологетической линии, имплицитно признают преемственность между мыслью Шмитта веймарской и нацистской эпох по крайней мере в децизионистской части, признающей сувереном того, кто способен принять решение о чрезвычайном положении. Так, Джордж Шваб недвусмысленно указывает, что «к

27. Schwab G. The Challenge of the Exception. An Introduction to the Political Ideas of Carl Schmitt between 1921 and 1936. N.Y.: Greenwood Press, 1989. P. 130.

28. Ibid. P. 131. Ср. также с его более поздней интерпретацией: «Убежденный, что Германия окажется под угрозой гражданского конфликта, если СА Рёма не будет обуздано, Шмитт оправдывал действия Гитлера против лидера СА и его окружения. Но во время „Ночи длинных ножей“ были совершены убийства, которые не имели никакой связи с действиями, принятыми против СА, деяния, которые Гитлер признал в своей речи в рейхстаге 13 июля 1934 года. Из-за этой неспособности режима наказывать виновных Шмитт обращал внимание на имевшие место эксцессы и напоминал Гитлеру, что „фюрер защищает право от самого негодного злоупотребления, когда он в момент опасности непосредственно создает право своей силой вождя как высшего судебного главы“» (Schwab G. Introduction // Schmitt C. The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2008. P. XXXVIII).

29. Schwab G. The Challenge of the Exception. P. 132.

30. Филиппов А. О Карле Шмитте.

31. Шмитт К. Государство и политическая форма. С. 269.

32. Dormaues M. Op. cit. P. 499.

33. Ibid.

статье Шмитта следует подходить с точки зрения суверенной диктатуры». Действия Гитлера — роспуск рейхсрата в феврале 1934 года в нарушение закона о чрезвычайных полномочиях и объявление вне закона всех политических партий, за исключением национал-социалистической, — служили, по Швабу, бесспорным свидетельством того, что «он действительно был сувереном и суверенным диктатором». И хотя «ни один из этих терминов — суверен или суверенный диктатор — не содержится в статье Шмитта», тем не менее «все его рассуждения подводят к этому выводу»³⁴.

Однако другие авторы апологетического направления, отрицающие теоретический характер данной статьи Шмитта и по какому-то не высказанному ясно причинам называющие ее «публицистической», утверждают, что фюрер в этой статье «только похож на диктатора или суверена», но «это мнимое сходство». В подтверждение этого исследователи ссылаются на попытки Шмитта «в 1934 году построить радикально иное понимание права, права внутри народного единства», отличное от децизионистского так называемое институциональное понимание права³⁵. В действительности здесь вопреки требованиям научной этики они почти дословно воспроизводят рассуждения Джозефа Бендерски в связи с другой работой Шмитта — «О трех видах юридического мышления», не давая никаких ссылок на него³⁶, и старательно избегают при этом обсуждения содержания статьи «Фюрер защищает право» как такового.

Поскольку этот аргумент сохраняет по крайней мере видимость рациональности, он заслуживает ответа. Дело в том, что

34. Schwab G. The Challenge of the Exception. P. 132. Шваб также отказывается считать статью Шмитта проявлением цинизма или оппортунизма: «Хотя нет никаких сомнений в том, что Шмитт был необычайно восхищен решительностью Гитлера, он повторял свое суждение, что вождизм не может быть тираническим или произвольным и должен основываться на честности, равенстве и взаимной лояльности между вождем и ведомыми. <...> Гитлеровская чистка СА в июне была для Шмитта подтверждением того, что его мысль была верна и что Гитлер понимал, что истинное государство не может быть терпимым к воинствующе-идеологическим вооруженным силам реформцев» (Schwab G. Introduction. P. XXXVIII). Такой же точки зрения в связи с событиями «Ночи длинных ножей» и статьей Шмитта придерживается и Трейси Стронг: «Таким образом, именно реальность взятия власти и проявления суверенитета в этом применении власти привлекала Шмитта: его понимание права требовало, чтобы он поддержал Гитлера» (Strong T. Politics Without Vision. P. 48).

35. Филиппов А. Шаг вперед в дискуссии.

36. См.: Bendersky J. Introduction: The Three Types of Juristic Thought in German Historical and Intellectual Context // Schmitt C. On the Three Types of Juristic Thought. Westport, CT; L.: Praeger, 2004. P. 18–19.

в 1933–1934 годы Шмитт действительно начал говорить о новом подходе к праву, который, однако, вовсе не отменял старый, децизионистский подход. И в том же 1934 году без сколько-нибудь существенных изменений он переиздал свой децизионистский манифест «Политическая теология». В предисловии ко второму изданию Шмитт не только не отвергает децизионизм, но и указывает на главную, по его мнению, опасность нового институционального подхода: «изолированное институциональное мышление ведет к плюрализму лишенного суверенитета, феодально-сословного развития»³⁷. Иными словами, институциональное мышление, по Шмитту, не столько приходит на смену децизионистскому, сколько дополняет его.

Более того, развивая идеи своей работы «Государство, движение, народ», он приходит к утверждению, что каждому из типов юридического мышления — нормативизму, децизионизму и институционализму — соответствует своя сфера «политического единства»: «Таким образом, эти три сферы и три элемента политического единства — государство, движение, народ — могут быть отнесены к трем юридическим типам мысли (как в своих здоровых, так и в выродившихся формах)»³⁸. Очевидно, что децизионизм в данном случае соответствует «движению», во главе которого, как известно, стоит «фюрер», способный избежать присущей всякому децизионисту «опасности сосредоточиться на уникальности мгновения и упустить покоящееся бытие, которое есть в каждом значительном политическом движении», и принять «подлинное решение»³⁹, отстояв «свое право быть высшим судьей и вождем»⁴⁰. «Подлинным» такое решение становится вследствие того, что «судебная власть фюрера возникает из того же источника права, из которого возникает всякое право любого народа»⁴¹. Поскольку в шмиттовской схеме народ неспособен действовать самостоятельно, необходимые решения в судьбоносный момент принимает сам фюрер, который также решает, какой именно момент является судьбоносным. Что же могло гарантировать, что это решение не будет чистым произволом? Ответ на этот вопрос Шмитт дал несколько ранее в своей работе «Государство, движение, народ»:

...[фюрер] — это понятие непосредственного и реального присутствия. Поэтому оно также включает в качестве позитивного тре-

37. Шмитт К. Политическая теология. С. 13.

38. Там же.

39. Там же.

40. Шмитт К. Государство и политическая форма. С. 268–269.

41. Там же. С. 267.

бования безусловную расовую однородность (*Artgleichheit*) между фюрером и последователями (*Gefolgschaft*). Непрерывная, надежная связь между фюрером и последователями и их взаимное доверие основываются на расовой однородности. Только расовая однородность может не допустить превращения власти фюрера в тиранию и произвол; только она составляет отличие от правления чужеродных народов, каким бы разумным или полезным оно ни было⁴².

Таким образом, никаких иных ограничений власти главы государства, фюрера, помимо расовой однородности, предусмотрено не было. «Плохая метафизика заменила всякое рациональное обсуждение проблемы», — заметил по поводу этого политико-правового учения Франц Нойман⁴³.

42. Schmitt C. Staat, Bewegung, Volk. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1933. S. 42.

43. Neumann F. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism, 1933–1944. Chicago, IL: Ivan R. Dee, 2009. P. 66.